

Не в духе времени. Размышления о свободной Европе и распределении политических сил в мире

География – это константа нашего мира, ее нельзя изменить. Меняется соотношение сил, с помощью которых государства стараются сохранить и расширить свое влияние, нарастить свою мощь. В начале XXI века мы являемся свидетелями фундаментальных сдвигов в конфигурации мировых центров силы. Эти сдвиги требуют нового стратегического мышления. Хотя положение Европы между Америкой и Россией не меняется, интересы стран, вовлеченных в эти процессы, включая нашу страну, требуют непредвзятого, тщательного анализа, их необходимо согласовать с переменами в мире.

Отношения между нацией и государством по обе стороны Атлантики будут по-прежнему очень разными. В Америке национальное самосознание и миссионерская идея неразрывно связаны друг с другом. Эта амальгама порождает претензию на моральное лидерство, от которой Америка никогда не откажется. Америка обладает устоявшейся идентичностью. Европа ищет ее. Следующие президенты США по-прежнему будут стремиться к укреплению своей страны, к усилению ее влияния. По крайней мере, на ближайшие 20 лет Америка останется державой, военное преимущество которой будет возрастать.

США разработали гигантскую программу вооружений, включая космическое и ядерное оружие, еще до ужасных событий 11 сентября 2001 года, и потом начали ее осуществлять. На солидарное предложение Европы впервые оказать союзническую поддержку США ответили вежливой благодарностью и решением проводить различие между «согласными и несогласными, старой и новой Европой». Франция, Германия и некоторые другие европейские страны прореагировали отказом участвовать в иракской войне. Наконец, США добились принятия новой стратегии НАТО. Она завершает все дискуссии о расширении НАТО за счет принятия новых членов и дает альянсу возможность опираться на поддержку «согласных» при решении любых задач в мире.

Европа будет вынуждена ответить на американскую эмансипацию от Европы своей собственной эмансипацией от Америки. Обе стороны действуют на основе общечеловеческого опыта: освобождаясь от опеки родителей, дети не становятся их врагами. Вашингтон уже просто не вправе мыслить категориями «Europe first». Европа обязана так мыслить. Пока Европа не начнет решать свои проблемы сама, она не станет самостоятельной.

Обама стал первым президентом, который переориентировал внешнюю политику и политику безопасности с конфронтации на сотрудничество. Тем самым он взялся за решение многих серьезных проблем, хотя понятно, что в течение нескольких месяцев невозможно уладить кризисы, которые нарастали десятилетиями. Его крупнейшим успехом стал договор о сокращении на треть арсеналов стратегических вооружений,

который он согласовал с президентом Медведевым и который все же был ратифицирован, хотя Обама утратил большинство в парламенте.

Лишь после выборов в США станет ясно, придется ли миру ожидать возврата к конфронтации – мы являемся свидетелями фундаментальных сдвигов в конфигурации мировых центров силы. Эти сдвиги требуют нового стратегического мышления. не в последнюю очередь в Европе и Германии.

Путин в свой первый президентский срок восстановил гордость за Россию, создав при этом впечатление, что получает от Запада довольно невнятный ответ на свои симпатии к Европе и, особенно, к Германии, а также на призывы к выстраиванию конкретного стратегического партнерства. Его недавний визит в Берлин в этом плане, кажется, ничего не изменил.

Он пытается организовать политико-экономическое сотрудничество со странами на территории бывшего Советского Союза, которые не были приняты в НАТО или еще надеются быть принятыми в ЕС. Он считает, что его страна имеет хорошую перспективу, координируя свои глобальные интересы с Бразилией, Индией и Китаем в рамках группы БРИК, которую не так давно дополнила ЮАР.

Наш континент попал на «подветренную сторону», позволив обоим великанам повернуться в сторону Азии.

Там национальные, религиозные и этнические проблемы сочетаются с сырьевыми интересами и гонкой вооружений, которую сдерживают лишь финансовые ограничения. К тому же возникли новые глобальные «тяжеловесы», обладающие ядерным оружием или, возможно, стремящиеся им обладать. Этот микс весьма взрывоопасен и несравнимо сложнее, чем ситуация, когда две супердержавы, осознавая свою ответственность, держат над Европой ядерный зонтик, добившись при этом послушания подзащитных государств. Этот зонтик между Америкой, Европой и Россией, обеспечивающий стратегическое равновесие за счет возможности второго удара, выполняет свою роль до сих пор.

Это было и остается, в частности, результатом неписанной договоренности 1961 года между Хрущевым и Кеннеди о том, чтобы, сохраняя статус-кво разделенного Берлина, разделенной Германии и разделенной Европы, ни в коем случае не поддаваться соблазну нарушения стратегического равновесия за счет применения силы. Общая заинтересованность в сохранении мира за счет стабильности доминировала даже во время кубинского кризиса. С тех пор как Кеннеди сказал: «Ich bin ein Berliner», в нашей части света больше не возникало ни одного опасного кризиса.

Теперь Обама заявил в Австралии: «Америка пришла сюда, чтобы остаться». Можно лишь пожелать, чтобы эти слова имели такое же стабилизирующее воздействие на Азию. Для этого необходимо, чтобы каждый из многочисленных игроков имел возможность сохранить свои особые ценности, свои идеологические убеждения, свои представления о демократии, правах человека и свободе, не применяя силы против соседа. То, что относилось к Европе, тем более относится к Азии: «Мир – это не все, но без мира все — ничто».

За последние 500 лет в мире было несколько сдвигов центров политической силы. Сейчас мы переживаем еще один такой сдвиг. Эпоха евроатлантического миропорядка закончилась. Она оставляет после себя континент с беспримерной историей успеха и удивительной неспособностью сдержать обещание о том, чтобы говорить одним голосом и обрести глобальную дееспособность.

Германии пришлось взять на себя роль, к которой она не стремилась. География и экономическая эффективность сделали нас самой сильной нацией, причем в ситуации, когда финансовый кризис, который еще не преодолен, требует концентрации средств и усилий в течение пока не ясного срока и когда одновременно Европе необходимо найти ориентиры между зоной евро и остальными государствами ЕС, в том числе в интересах глобальной финансовой стабильности. Каждая из этих задач в обычных условиях потребовала бы концентрации всех сил правительства. Но история требует, чтобы мы их решали параллельно. Все ожидают сильного лидерства и в то же время все его боятся.

Эту дилемму четко отражают две фразы: министр иностранных дел Польши Сикорский сказал: «Я боюсь германской мощи меньше, чем германского бездействия». В то же время у европейцев есть опыт, не требующий нового подтверждения: «Доминирования Германии Европа может не выдержать». Это значит, что мы должны убеждать других, понимая свою ответственность. Здесь необходимо тонкое чутье. В германской политике его часто не хватало.

Тот, кто хочет взять на себя лидерство, потому что он обязан это сделать, не должен бояться. Он не должен бояться противоречий или подозрений. Тот, кто не находит в себе мужества сказать нет, не должен брать на себя лидерство. Германии не надо бояться самой себя. Цель освобождения Европы может быть достигнута лишь при условии, что ею не станут своекорыстно злоупотреблять и что при этом уровень латентного недоверия будет снижаться.

Многие считают, что НАТО - это Америка в многостороннем одеянии. В этом есть доля истины. Самостоятельных наднациональных полномочий в принятии решений НАТО не получила.

Но и НАТО не смогла отгородиться от перемен, от новой геостратегической реальности. Альянс не только начал действовать в международном, глобальном масштабе, причем Германия предоставила ему второй по численности контингент вооруженных сил. Он преодолел политические проблемы, связанные с приемом каждого нового государства-члена. Благодаря своей новой доктрине Америка добилась того, что альянс обратился к таким сферам как энергетика, злоупотребления в сети Интернет и другим перспективным областям и может теперь подыскивать во всем мире «согласных и способных» для решения тех или иных конкретных задач. Альянс смирился с тем, что не все члены могут участвовать во всех операциях. Он все больше размывает свои изначальные оборонительные функции, становясь платформой для дискуссий по проблемам политики безопасности, в ходе которых каждое государство-член решает, будет ли оно участвовать в поддержке или защите глобальных американских интересов, и если да, то каким образом. Сплоченность и единство в рядах НАТО ослабли.

Хотя альянс сейчас уже не осуществляет никаких функций по защите Германии, без него нам не обойтись. Он является международно-правовой основой американского присутствия в Европе. Советский Союз признал в 1975 году в Хельсинки, что вопросы безопасности в Европе нельзя решать без Америки, в то же время почти все соседние государства воспринимают сейчас американское присутствие как гарантию того, что Германия и впредь будет вести себя прилично. Это прекрасная основа для стабильности, которая защищает соседей от немецкой заносчивости и одновременно в какой-то мере прикрывает укрепление европейской самостоятельности.

Логичным было бы создание европейской армии, которая действовала бы самостоятельно, достойно защищая наши интересы, которые выходят за рамки интересов на мировом рынке. Такая армия может быть оснащена только обычными вооружениями. Франция и Англия будут по-прежнему распоряжаться своими ядерными арсеналами, продолжая сотрудничество в ООН на основе своего права вето. Европейского ядерного оружия не будет.

Одной из главных причин того, что Европа не выполнила своего обещания, является иллюзия, что она могла бы его выполнить силами всех нынешних 27 государств-членов. Тот, кто выдвигает условие неперемного участия всех 27 стран, препятствует прогрессу в вопросе дееспособности. Тот, кто превращает согласие двадцати семи в магическую формулу, обрекает Европу на то, что она и впредь будет неспособна даже решить структурные проблемы, существующие между странами, входящими и не входящими в зону евро.

Если решения могут принимать только все 27 стран-членов, то общее направление определяют не только два или три государства, но и Великобритания. В течение последних 60 лет Лондон умело и успешно проводил линию на расширение Евросоюза без его углубления. Все правительства – и консервативные, и лейбористские – сохраняли удобную для себя позицию: количество членов ЕС увеличивалось до неуправляемости, а Великобритания при этом избегала жесткой институциональной привязки к континенту. Лондон отвергает евро и даже не присоединился к Шенгенскому соглашению.

Оба последних премьера-лейбориста не раз официально заявляли и подтверждали, что будут суверенно принимать решения по вопросам внешней политики и политики безопасности и не считают себя связанными решениями ЕС. Нынешний глава британского правительства пошел еще дальше, подчеркнув свое намерение вернуть под национальную эгиду компетенции, «отошедшие к ЕС». Разумеется, он не отзывает из Брюсселя британского комиссара, который следит за тем, чтобы ЕС не принимал нежелательных решений. Его не столь уж ошибочный диагноз о наличии в Евросоюзе «склероза артерий» позволяет ему сделать вывод о том, что его страна намерена оставаться в ЕС, чтобы «стимулировать свободную торговлю и открытость рынков». Отрицательное отношение к интеграции он именуется «флексибилитацией». Особые отношения с США он считает нерушимыми, а полную интеграцию с континентальной Европой неприемлемой.

Что касается европейской армии, оснащенной обычными вооружениями, то в сложившейся ситуации она, очевидно, может сначала возникнуть в группе стран, образующих зону евро. При этом будет, скорее всего, объявлено, что участие других стран ЕС является желательным.

Если Европа хочет освобождения, она должна действовать. Без участия Англии государства ЕС в сфере внешней политики и политики безопасности должны идти путем, который был указан в Лиссабоне. Он должен привести к возникновению самостоятельного европейского полюса в многополярном мире. При нынешнем состоянии Европы серьезные прогнозы невозможны даже на ближайшие месяцы. Ориентиром могло бы стать переизбрание Обамы осенью, на что я надеюсь. В сентябре следующего года состоятся выборы в Бундестаг, после которых – я с уверенностью могу предсказать – большой коалиции не будет. Эти выборы зададут направление движения, которое, вероятнее всего, приведет к завершению эры Ангелы Меркель.

Если география остается неизменной константой, о которой я говорил в начале моего выступления, то между нашими странами укрепятся сотрудничество и дружба, которые сложились за 40 лет, прошедших с момента подписания Московского договора, сотрудничество и дружба между самыми разными личностями и характерами с обеих сторон. Это было и остается знаком стабильности и предсказуемости наших интересов.

Непредсказуемым здесь является один новый фактор: изобретение не знающего границ Интернета может иметь последствия, сравнимые с последствиями изобретения книгопечатания. В последовавшие затем столетия оно дало миру образование, просвещение, революции и новые виды оружия — с разной скоростью, в разных вариантах, разным народам и государствам, дало хорошее и плохое. Новая технология сравнима с тем изобретением и в хорошем, и в плохом, но она несравнимо сильнее: она облегчает жизнь, увеличивает преступность, создает в новых масштабах оружие для ведения войны не только на земле, в воде, в воздухе и в космическом пространстве, но и в безграничном электронном мире, от которого не может отгородиться ни одно государство, так как он проникает повсюду. Но в отличие от изобретения книгопечатания новая технология сразу же действует глобально, одновременно и со скоростью, с которой политика пока не может совладать. Новая технология передает знания и умения, но не ценности. Интернет не обладает патриотизмом, он не распространяет традиции, на которые привыкла ссылаться политика. Может случиться, что эта технология, которую человек создал, но не сумел себе подчинить, заставит нас принять глобальные правила, если человечество хочет выжить. Будучи оптимистом, я оцениваю в этом плане шансы как 50:50. Позитивного прогноза дать не могу.

*Выступление опубликовано Фондом имени Фридриха Эберта / Сектором
Международного политического анализа Отдела Международного диалога / Берлин /
Германия / 2012*